# Идиотки

**Автор:**
Инга Максимовская

Идиотки

Инга Максимовская

«Отпускайте идиотов и клоунов из своей жизни. Цирк должен гастролировать», – думала я, таща за ноги, обутые в дорогущие ботинки, моего бывшего босса. Да уж, от себя не убежишь! И это моя первая гастроль. Он меня обокрал, а я его похитила. Верну свое и навсегда забуду о существовании этого мерзавца. Вот только тайны прошлого вносят свои коррективы в мое идеальное преступление.

Инга Максимовская

Идиотки

Пролог

Великая Фаина Раневская советовала отпускать идиотов и клоунов из своей жизни, аргументируя это тем, что цирк должен гастролировать.

Я этого сделать не могу. «Почему?» – спросите вы. Все очень просто. От себя уйти невозможно. И сегодня начинается моя первая гастроль.

Именно об этом я думала, когда, пыхтя и отдуваясь тащила за ноги, обутые в сверкающие ботинки, моего бывшего босса.

– Что ты как недоеная? – подгоняла меня Галька, бодро волоча под мышки головную часть здорового, цветущего мужика, по имени Руслан Вольский. Чтобы он не брыкался, моя подруга Галина, по профессии ветеринарный врач и судя по меткому глазу и крепкой руке – прирожденный киллер, сняла известного в стране олигарха из ружья заряженного дротиком с транквилизатором, которым она обычно успокаивала разбушевавшийся крупный рогатый скот. Олигарх не успевший пробежать и ста метров, спасаясь от разъяренной фурии, свалился к моим ногам, облаченным в туфельки из кожи молодого дермантина, и мгновенно затих. Именно так и начались мои идиотские гастроли, точнее наши с Галькой. И что то мне подсказывает, что они могут стать и последними в нашей карьере киднепперов.

## Глава 1

### ЕВА

– Галь, мне до ужаса страшно,– проныла я, прислушиваясь к звукам доносящимся из багажника Галькиной тарантайки, которой давно уже подготовленно почетное место в автомобильном аду. Даже люди столько не живут, сколько существует старенький форд Подвигалкиной. Багажник отдавался гробовой тишиной, и я боялась, что моя подруга просто не рассчитала дозировку и просто угробила несчастного Руслана Вольского до смерти. От этой мысли у меня жутко чесалась голова, и хотелось плакать.– Может давай его выложим в парке на скамеечку и черт с ним? Пусть и дальше богатеет…

– Да, правильно, пусть продолжает богатеть за твой счет. Пусть продолжает воровать чужие идеи и вышибает на улицу таких идиоток как ты. Сколько ты плакала, когда увидела это? – гаркнула Галька, одной рукой вертя облезлый руль, а другой ткнув мне в нос измятый глянцевый лист, с мясом выдранный из модного журнала. Я всхлипнула, в очередной раз прочитав заголовок «Владелец «Империи детства» Руслан Вольский со своим новым детищем, слоном Парусланом»– Это ведь ты этого Пердохана придумала.

– Паруслана,– машинально поправила я, вспомнив сколько часов провела за работой, рисуя моего любимого слона, с огромными ушами, одетого в

комбинезон и яркую кепку. Как прорисовывала мельчайшие детали, мечтая, что он принесет мне счастье. – Галь, бог с ним. Как говорят, если получил по левой щеке…

– Нужно подставить правую …руку, предплечьем наружу, левым кулаком – со всей силы в солнечное сплетение, потом правым локтем в челюсть, и дальше по ситуации.– зло закончила Галька известную бтблейскую истину , с силой крутанув руль. От ее виража у меня потемнело в глазах. И я застонала.

– Мне страшно, нас поймают. Что станется с Ванькой, если его мать загремит на зону? – я вспомнила про сына, которому вот – вот исполнится девять лет. Ну зачем я поддалась на Подвигалкинскую провокацию? Почему всегда так слепо следую всем ее наполеоновским планам?

– А не страшно смотреть Ваньке в глаза и говорить ему, что в этом году он снова не получит в подарок этот чертов плейстейшен? Не страшно покупать лотерейные билеты на последние деньги, в надежде выиграть? Ты полная идиотка, Ева. Жалеешь зажравшегося нувориша, укравшего у тебя твоего Пердохана, а сама одеваешь любимого сына в секондхенде. Сына, ради которого решилась черте на что, теперь не можешь даже смартфоном обеспечить. А парню девять лет почти. И дальше, что будет? Ты вспомни, как рыдала, когда увидела эту фотку в журнале. Возьми в конце – концов свои булки в руки, и хоть раз в жизни сделай правильно.

Я промолчала. А что тут скажешь? Я и вправду всю жизнь косячу. Ваньку родила, когда поняла, что своего единственного, принца на белом коне так и не дождусь. Поняла я это в девятнадцать лет, кстати, что тоже не очень нормально по версии окружающих. Думала тогда, что все смогу. Нет, я не уродка, и не убогая. Невысокая, стройная шатенка, довольно привлекательная. И мужчины всегда обращали на меня внимание. Но я все ждала настоящей любви, а потом решила, что не найду того единственного ради которого стоит отказаться от карьеры и собственного комфорта. Взяла и родила сына, для себя.Точнее говоря, по словам Гальки – наломала дров, не перелезешь. Или мать права, шлея мне под хвост попала. И я решилась не взирая на притворные материны припадки, и злые шепотки окружающих. Просто идиотка, права Галька. Зато у меня теперь есть ради кого жить, мой любимый единственный мальчик. Мой Ванятка, которому я и вправду не могу дать того, что положено. И виноват в этом лежащий в Галкином багажнике мужчина.

– Может это не он вовсе? Он не один владелец империи,– понимая, что проигрываю по всем фронтам, проблеяла я, используя последний аргумент.

– Но именно он, а не кто – то другой на фотографии,– вбила последний гвоздь в крышку гроба Галька, резко тормозя возле ворот моего дома. Странно, я и не заметила, как это мы так быстро долетели, предаваясь страхам и отчаяно себя жалея.

«Жалко будет расставаться с домом, когда нас поймают» – уныло подумала я, открывая ворота. Этот дом – единственное, что я нажила, работая на Руслана. И я им очень горжусь. Нет, это не домище в три этажа с терассой и балюстрадами. Маленький домик, именно такой, какой нужен для неполной семьи, состоящей из мамы идиотки и симпатичного лопоухого мальчика, отчаяно стесняющегося своих ушей. Я люблю сидеть во дворе, который превратила в утопающий в цветах сад. Даже нашла золотые шары – цветы из моего детства, и высадила их под окнами детской. Чтобы и Ванька рос, рассматривая их по утрам. Эх, все мои старания полетят под хвост рисованному слону.

– Ну, чего встала? Я одна что ли этого кабана должна таскать? Вон как разожрался на чужих то горбах,– пробубнила Галка, с громким скрипом, похожим на стон кающихся грешниц, распахнув багажник. Справедливости ради, она не права. Руслан Олегович не разожравшийся боров. Скорее он похож на олимпийского бога. И жира в нем нет ни грамма – эталон мужчины с обложки журнала для дам. Квинтэссенция сексуальности, литых мускулов и кубиков на прессе. – Ев, Ванюшка скоро вернется. Давай уж побыстрее закончим,– вырвала меня из мыслей вредная Галка.

Я посмотрела в сторону подвала, который уже был при покупке дома. Вырытый чуть поотдаль, он был похож на сломанный зуб и жутко меня раздражал. Ванятке я запретила к нему приближаться, так что даже не думала, что когда нибудь им воспользуюсь. И даже хотела сравнять уродца с землей. А вот поди ж ты, пригодился. Я снова ухватилась за ноги Вольского, и пошла в сторону подвала, слушая пыхтение Галки за своей спиной. С трудом открыла давно не пользованный замок, для чего мне пришлось выпустить из рук свою поклажу, и уставилась на крутую, уходящую вниз лестницу. «Это адские врата» – подумала я уныло, и схватилась за миллионерские конечности.

– Ну куда ты его, вперед ногами – то? – хихикнула Подвигалкина, – разворачивай давай.

Я подчинилась, и уже заходя на маневр, почувствовала, что что – то измненилось.

– Мать твою,– выдохнула Галька. Я почувствовала резкий рывок. Ноги в ботинках дернулись, больно пнув меня при этом чуть пониже спины.. Галька сделала шаг назад, так и не выпустив жертвы из цепких ручонок, но не удержала мычащее, дергающееся в ее руках мужское тело. Мы с ужасом смотрели, как связанный Руслан Вяземский – олигарх и один из богатейших людей, кубарем скатывается по крутой бетонной лестнице моего подвала, выписывая такие кульбиты, что кажется даже у Подвигалкиной закружилась голова. По крайней мере, я увидела, как лицо моей всегда решительной подруги, заливает мертвенная бледность.

– Сходи, проверь, как он там? – пискнула она, показывая глазами внутрь подвала , и протягивая мне маску обезьянки, купленную ею в ближайшем детском магазине. – Надень, на всякий случай, а то вдруг он не убился. Чтобы не смог опознать потом.

Я подчинилась, как собственно и всегда. Воспитанная авторитарной мамой, спорить я не привыкла. Натянула уродскую маску, недоумевая, почему нельзя было просто натянуть на голову черный чулок, как все нормальные бандиты. Спускалась по неровным ступенькам умирая от ужаса. Не каждый день увидишь одного из богатейших людей страны со сломанной шеей. То, что я увижу Вольского именно в таком состоянии, я не сомневалась. Ну не Дункан же он Маклауд, черт его побери. Не с моим везением. Я прокручивала в мозгу прочитанный мной вчера УК Рф, и понимала, что теперь нам с Галькой пришьют еще и убийство, и мы не увидим свободы до скончания наших бестолковых жизней. Короче, пока я дошла до последней ступени, накрутила себя так, что готова была лечь радом с трупом нашего невольника и сдохнуть от безысходности, что тот Хатико.

– Ну, чего там?– голос Подвигалкиной звучащий сверху меня слегка успокоил. Я склонилась над несчастным Вольским, лежащим на земляном полу и не подававшим признаков жизни, лихорадочно соображая, что там надо делать дальше. В фильмах прикладывают пальцы к шее валяющегося у ног тела, чтобы понять жив человек или уже нет. Я протянула дрожащую ладонь к извалянному в пыли и паутине олигарху. Ну да, успела рассмотреть в свете тусклой лампочки, во что мы умудрились превратить цветущего мужика. Ломая ногти, развязала

узел веревки, которой мы завязали накинутый на голову Руслана мешок от картошки, найденный Галкой черте где, и затаив дыхание попыталась нащупать яремную вену. Куда там, от страха пальцы тряслись, как под высоковольтным током. Эх, зеркальце бы, для проверки дыхания.

– Кто ты, черт тебя возьми такие? – голос Вольского показался мне громоподобным в тишине подвала. Занятая своими мыслями, я не заметила, что этот мерзавец пришел в себя, и теперь злобно смотрит прямо мне в глаза.– И чего хотите? Отпусти меня тварь.

– Мы вас похитили,– пискнула я, оседая на пятую точку, рядом с несостоявшимся трупом. – Хотим выкуп.

– Твою мать,– прорычал Вольский, пытаясь разодрать путы, связывающие его руки, – я вас уничтожу. Смешаю с пылью, мрази. Господи, меня похитили мартышки с голосом мультяшек. А ну развяжи меня, идиотка. И тогда, я может быть, не убью вас.

– Ну, чего тут? – Галька все же не вытерпела и спустилась в подвал, нацепив на физиономию резиновую маску зомби. Себе то купила нормальную, зараза такая. А я мартышка, мартышкаааа,– Ты чего расселась? Жив этот курилка? Или отдуплился? Я уже лопаты приготовила. Целофан у тебя в теплице есть. Прироем по быстрому, – зачастила моя подружка, явно крышей поехала от ужаса. Хотя, это ее постоянное состояние. И как я этого не поняла раньше? Может быть не попала бы в такую непроглядную…слов не подберу приличных.

– Оооооо, – простонала я, потеряв способность говорить,– и с ужасом уставилась на Вольского, который чудесным образом снял с рук веревки и приготовился к нападению. Галка проследила мой взгляд, как раз тогда, когда мужик с звериным рыком сделал выпад из темноты. Но, видимо падение все же нанесло ему вред . Галька с визгом метнулась в сторону уходя от удара, Вольский оступился и начал заваливаться на меня, распластавшуюся на полу,словно трепанированная лягушка. Последнее, что я успела почувствовать, как меня придавило каменно – тяжелое мужское тело, услышала крик Подвигалкиной, достойный зомбака – людоеда, и провалилась в темноту.

Глава 2

РУСЛАН

-Мне похрену, что ты там считаешь,– прорычал я в телефонную трубку. – Я велел тебе изъять все мои данные из архивов этого банка. Ты адвокат, или где? За что я плачу тебе такие бабки?

– Руслан Олегович, это лишь дело времени,– проблеял мой собеседник, вводя меня в глухую ярость. Дело времени, которого у меня нет. Отец обещал лишить меня всего, если я не изменю свой стиль жизни. Этот старый пес слов на ветер не бросает. Он уже проворачивал подобные фокусы со мной. Но тогда, десять лет назад все было не так фатально. Папуля просто выкинул меня в университет, без гроша в кармане, аргументируя свои действия заботой о своем неразумном отпрыске. Якобы этот зверский акт вандализма должен был научить меня ценить, то что имею. Но теперь, он хочет лишить меня всего. Не взирая на то, что это я преумножил его состояние. Что я как вол работал в семейной империи, что именно на моих идеях мы удержались на плаву, а не загнулись пользуясь толко его замшелыми идеями, которые на хрен никому не сдались. Дети развиваются, даже быстрее чем взрослые. Их уже не увлечешь дурацкими утятами, считающими звезды на нарисованном небе, или неваляшками, поющими дурным голосом песенку про облака. Им нужны новые герои, которых создала набраннаяя мною команда. Вот только отец это не берет в рассчет. Он хочет оставить империю остепенившемуся зрелому мужчине, а не гуляке – потаскуну. Он хочет увидеть внуков.

Я усмехнулся, представив количество карапузов, родившихся от моей студенческой работы. Старый пень бы с ума сошел.

– У меня нет этого чертого времени,– прорычал я, представляя, что будет, если папуля узнает, чем его сын зарабатывал себе на безбедное существование учась в университете. Думаю ему будет не очень приятно узнать, кто скрывался под именем «Донор 1313». Это была идеальная работа, и хорошие деньги. И кроме того благородная. Я помогал бездетным парам ощутить счастье родительства.

– Не стоит беспокоится, Руслан,– голос адвоката был спокоен, и я слегка расслабился,– есть договор о неразглашении подобной информации. Я считаю,

что время у нас есть. Не переживайте, я уже начал процесс изъятия документов. Но он слегка тормозится, по бюрократическим причинам. Нормальный, рабочий процесс.

Да, есть. Время есть. А еще есть куча бродящих по стране детей, носителей моего гена. И это бомба замедленного действия. Я это понимаю, и если отец узнает мой маленький секрет, это будет катастрофа. И семейного состояния мне не видать, как собственных ушей. Мой замшелый папаша отыщет каждого ребенка, появившегося из пробирки моими стараниями и осчастливит наследством. А я останусь у разбитого папулиного Порше, которому уже сто лет.

Договорив с адвокатом я откинулся на подушку. Голова отдалась болью. Черт, я снова нарушил все мыслимые правила, выставленные отцом. Под одеялом угадывался женский силуэт. Я убей меня не помнил, что за красотку снял вчера в клубе. И вот ей богу, совсем не желал сейчас знакомиться с очередной курочкой, похожей на предыдущую, словно инкубаторская. Но, тем не менее откинул одеяло и посмотрел на губастенькое личико и разметавшиеся по подушке белокурые волосы. Порылся в памяти, пытаясь вспомнить имя малышки. Безуспешно.

– Котик, в чем дело? – мурлыкнула девка, распахивая голубые, похожие на пуговицы, глазки. – Твоя кошечка хочет кофе.

Господи, где я только нахожу их? Как Под кальку рисованная. Надо скорее избавиться от докуки, выпить кофе, и идти на работу в любимое детище моего отца. «Империю детства» он любит, кажется даже больше чем меня – своего единственного сына. А сегодня у нас день всезнайки. День, когда наши работники приводят с собой своих детей. Ненавижу этот день в году, терпеть не могу сопляков орущих, путающихся под ногами и портящих воздух.

– Вали давай, кошечка,– ухмыльнулся я, вскакивая с кровати. В голубых глазах девчонки мелькнула обида. Но мне сейчас было не до истерик незнакомых баб. – И дверь за собой захлопни.

– Козел,– выплюнула девка, в мгновение ока выскакивая из одеяльных объятий. А ничего у нее фигурка, похожа на часы песочные: пока круглая, грудки полные, но свои. Не успела еще себя силиконом напичкать. Портит впечатление капризно – злое выражение лица. Но с него же воду не пить, да и вряд ли я обратил бы

внимание на безликую физиономию в процессе удовольствия, так сказать. Я бы даже ее оставил возле себя на пару дней, при других обстьятельствах. Но выставленные мне условия исключают любую возможность.

Встал с кровати и пошел в душ, чувствуя взгляд куколки на своем не обремененном одеждой теле. Да, я знаю, какое впечатление произвожу на баб. И потенциал у меня как у жеребца – рекордсмена. Поморщился, вспомнив о том, что сегодня меня ожидает день в компании толпы сопляков, каждый из которых может быть моим биологическим продолжением. В последнее время эта мысль не дает мне покоя. Я чувствую, что превращаюсь в параноика

– Чао, козлина,– женский голос заставил меня вздрогнуть. Я усмехнулся, у этих тупых овец сосвем нет фантазии. Горячая вода слегка привела меня в чувства. Настолько, что я накрнец почувствовал себя человеком. Напевая прошел на кухню, выпил кофе и закусив глазированным пончиком. В общем день, начавшийся погано, начал входить в нужное русло.

Через час я захлопнул дверь своей квартиры и спустился в подземный гараж, вертя на пальце брелок, блестящий трёхлучевой звездой. Жизнь то не так уж и плоха.

Я не понял, что произошло. Увидел движение в темноте, не сказать чтобы очень быстрое, но почувствовал себя неуютно и прибавил шаг. Черная тень выступила из полумрака, подсвеченного тусклой лампой, и выставила вперед руку с чем-то похожим на винтовку.

– Не дергайся, ворюга- приказал бесполый голос,– я не хочу делать тебе больно. Хотя нет, хочу, но боюсь подпортить твою шкурку. А за бракованный товар, кто мне заплатит?

Сирашно мне было? Нет, я не успел испугаться. Машинально выкинул вперед руку с зажатыми в ней ключами. Тяжелая связка вылетела из ладони и со звоном врезалась нападающему в лицо.

– Твою мать, – прорычал бандит, схватившись за физиономию свободной рукой. Этой заминки мне хватило, чтобы метнуться в неподсвеченную часть гаража. Я бежал, слушая за спиной мат и гулкие шаги. Еще немного. И я окажусь на улице, там больше шансов уйти от этого ненормального. Мысли метались в голове, как

белки. Интересно, за что меня решили грохнуть. Не отец же наказывает меня так за разгульный образ жизни, ей богу. Может какя обиженная баба заказала. Тогда дело дрянь. А может…

От последней мысли я обомлел, и притормозил. Это и стало фатальным моим решением. Что – то, тонко просвистев, впилось мне между лопаток. Проваливаясь в беспамятство, я сожалел лишь об одном, что умираю, так и не успев пожить. А оказывается умирать и не больно, а даже приятно. Мозг заволокла дурманящая слабость, как под воздействием дорогого абсента.

## Глава 3

## ЕВА

– Все самой приходится делать,– бубнила Галка, растирая мое лицо ладонями, так, что казалось сдерет с него шкуру. Сознание возвращалось толчками, и я надеялась, что предыдущие несколько часов мне просто приснились. – Что ты за трусиха такая. Подумаешь, мужик на нее упал. Я понимаю, конечно, что ты давно не испытывала на себе такого счастья, и чуть не умерла от восторга. Но я то не Шварценнегер в одного этого мерзавца вырубать. Он, между прочим, сопротивлялся, что тот берсерк, даже орал так же.

– Что с Вольским? – прохрипела я. Галька конечно не качок из Терминатара, но рука у нее тяжелая. И я сейчас даже сочувствовала нашему пленнику. – Он жив?

– Жив, что с этим кабаном сделается,– буркнула Подвигалкина, пришлось ему снова транквилизатор колоть. Я ему дозу бычью дала. В общем давай, спящая красавица, приводи себя в порядок, Ванька звонил, придет через десять минут. Надо покормить парня, а я на работу.

– А с Русланом, что делать? – обмерла я. Ничего себе, она меня втянула во все это, а теперь отваливает, оставляя меня одну.

– Пожрать ему отнеси. Я его цепями приковала, так что не бойся. А я позвоню его папаше из автомата, кстати, преобразователь голоса – клевая вещь. Выкуп

получим и заживем,– как – то не очень уверенно пробурчала Галька.

– У меня суп только,– пискнула я, – Вольский то поди к деликатесам привык.

– Ты совсем дура, да? – неподдельно удивилась моя подруга.– Тебя только это сейчас беспокоит?

– Галь, мы ведь не Руслана наказываем, а Олега Евгеньевича. А он хороший,– выскаазала я свои сомнения.

– Все они хорошие, когда спят зубами к стенке,– хмыкнула Подвигалкина,– твой Олег Евгеньевич, что – то не больно тебя пожалел. Вот ни за что не поверю, что он не знал, что тебя увольняют. Так что не морочь мне голову.

Я уселась на краешке кровати, на которую меня уложила Галька и схватилась за голову. А ведь и вправду, почему отец Руслана за меня не заступился? Просто сын ему дороже, чем простая рабочая лошадь, без которой концерн не загнется. Вся моя налаженная жизнь летела под откос. И по – моему даже Галька уже поняла, какую кашу мы сней заварили. Но отступать уже поздно. Нам, что так, что иначе – крышка. Посмотрела на деловито шляющуюся по комнате Подвигалкину, и едва сдержалась, чтобы не вцепится в ее курчавые волосенки. И слава богу, что не успела.

– Мам, я дома,– тонкий Ванюшкин голосок заметался в воздухе, заставив меня отвлечься от моей идиотки подруги и поспешить в прихожую. Ванька любит, когда я его встречаю, интересуюсь делами. А потом мы идем в кухню, и сын рассказывает мне свои детские очень важные новости, про то, как Петька подрался с Володькой, а противная Катька Лисицына сеоа за парту не к нему, а к Севке Козлову, и теперь придется Севке отомстить. Новости варьируются, но главные герои в них всегда одни и те же. Это наш ритуал, неприложный. Очень жаль, что скоро я загремлю в тюрьму, и не увижу, как повзрослеет мой единственный ребенок. Но меня греет мысль, что все что я делаю, я делаю ради него, а не ради тупого возмездия. Которое кстати, тоже греет мою душу.

Ванька стоял у порога, светясь розовыми ушами и улыбался. Я увидела зажатые в детской ладошке одуванчики, которые мой сын собрал для меня и едва сдержала слезы. Да мой ребенок заслуживает и плейстейшен, и хороший телефон и все самое лучшее. То, что я могла бы ему дать, если бы Вольский не

уволил меня с работы, которой я отдала восемь лет жизни, обобрав до нитки. Олег Евгеньевич, отец Руслана, ценил меня. А тут этот выскочка притащил своих креативщиков. И я вдруг стала не нужна. Но идеи мои этот подонок прибрал к своим ручонкам. И теперь жировал, а мой Ванюшка был лишен всех радостей детства, из = за этого зажравшегося скота.

– Давай, Галя,– твердо сказала я, отбрасывая все сомнения.– Мы сделали все правильно.

Губы Галки растянулись в торжествующей улыбке. Она потрепала Ванюшку по непослушным вихрам, и радостно напевая пошла к своей тарантайке.

– Я забыла, кстати,– проследив, как Ванятка скрывается в кухне хмыкнула подружка,– я там раздела этого нахала, так что не удивляйся. Ну, на случай, если он решит слинять. Голышом -то не побегаешь особо. Так что отнеси ему одеяло. А то замерзнет болезный. Все богатейчики изнеженные.

Ответить я ничего не успела. Галька припустила к машине, как будто за ней гнались все черти ада. Я проводила ее взглядом и пошла разогревать суп. Теперь мне предстояло накормить двоих мужчин. И если с моим сыном, проблем не возникнет, то во втором случае, я не была столь уверенна. Вряд ли Вольский обрадуется супу из сайры. А на другое денег у меня категорически не хватало.

– Мам, я Бобского прогуляю пока ты суп разогреваешь,– крикнул Ванятка. Толстопузый джек –рассел, услышав волшебное слово прогулка, метнулся из – под кухонного стола, где судя по звукам пировал стыренным из ведра мусором, едва не сбив мея с ног. Собаку у меня выпросил Ванюшка. Я долго сопротивлялась. Но в конечном итоге сдалась. Бобского мы нашли на рынке. Полумертвый щенок, лежащий в корзине, слабо вильнул хвостом почуяв наше присутствие, чем определил свое и наше будущее. И теперь этот шкодливый полудурук, похожий на табуретку с хвостом и неуемным темпераментом, член нашей малочисленной семьи.

– Вань, не ходи к подвалу,– вякнула я, сама не знаю зачем.– Там Галка змею видела.

– Мам, тетя Галя фантазерка,– серьезно посмотрел на меня сын, – а ты всем веришь. И когда ты уже повзрослеешь?

«А и вправду, когда?» – подумала я, глядя, как мой не по возрасту взрослый сын, шагает к воротам, ведя на поводке подскакивающего словно на пружинах пса.

РУСЛАН

Я проснулся от холода, пробирающего до костей. Открыл глаза, уставился в покрытый паутиной, грязно – серый потолок, и едва сдержал стон. Я то надеялся, что весь тот дурдом, произошедший со мной мне приснился. Встал с продавленной, панцирной кровати, на которую меня кто – то заботливо затащил, и попытался размять затекшие конечности. Получилось плохо, эти придурки не придумали ничего лучшего, чем приковать меня за щиколотку цепью, как дворового пса. Я подергал оковы. Прикрепили на славу, нечего даже пытаться разорвать толстые стальные звенья. И только тут понял, что на мне нет ни нитки. Совсем.

– Убью, – прорычал я в темноту.– Вырву сердце и скормлю отцову питбулю.

Уселся на покрытую клочковатым матрасом кровать и погрузился в раздумья. Эти придурки хотят выкуп. Вот уж сюрпризец их ждет. Мой жлоб – папуля, скорее всего пошлет этих горе – похитителей в пеший тур с сексуальным уклоном. А скорее всего, просто не будет вести с дураками никаких переговоров.После того, как папуля застукал свою позднюю любовь в моей кровати, он ко мне резко охладел. А точнее, он никогда и не пылал особой любовью, к своему единственному отпрыску. Странно, но мачехе моей он поверил больше чем мнесем ее словам – безоговорочно. А по ее выражению, я монстр и животное, насильно воспользовавшееся невинной овечкой Альбиной.

Звук ключа в замке и легкие шаг, вырвали меня из невеселых мыслей. Я встал в полный рост посреди небольшого пространства отведенных мне хором и приготовился к бою. Видок. Конечно у меня был тот еще, учитвывая, что одежда на моем теле отсутствовала, как класс.

Чудо в перьях появилось в свете кряхтяще – трещащей лампочки, как призрак шагнув из темноты. Тоненькая фигурка в маске дурацкой обезьянки несла в руках поднос, исходящий паром. Я принюхался и поморщился. Да уж, кормят в этом остроге, судя по всему не устрицами с шампанским.

– Ой,– тоненько пискнула пришелица, не сводя с меня глаз. Я проследил ее взгляд и усмехнулся. Девка, а то что это была именно особа женскокго пола, сомневаться не приходилось. И судя по тому, как она резко отвернулась, расплескав при этом горячую баланду, маска вот – вот должна была воспламенится от полыхающих щек незнакомки. Почему то я был уверен, что ее лицо сейчас похоже на переваренную свеклу.– Простите. Я не.... Я суп вот принесла,– начала заикаться идиотка, пятясь спиной к выходу.

– Слушай, отпусти меня. Я тебе денег дам столько, сколько надо,– вкрадчиво шепнул я, делая шаг в ее сторону. Нет, ну а что? Попытаться стоило. Тем более, что придурошная девка сейчас в шоке. Я на баб всегда произвожу сногсшибательное впечатление, особенно, когда голышом красуюсь перед ними. – Вам же деньги нужны? Я дам.

Девка насторожилась. Глазенки в прорезях маски блеснули интересом.

– А хочешь, я тебя осчастливлю по другому? Тебе же нравится то, что ты с таким интересом рассматривала, прежде чем отвернуться? – хмыкнул я, совершая при этом тактическую ошибку.– Да, детка? Мы можем приятно провести время.

– Придурок,– голос мартышки зазвенел в воздухе,– ешь суп пока не остыл.

– Эй, ты чего обиделась? Я все равно выберусь отсюда, и поразвлекусь с тобой, только тогда ты сама будешь меня молить о пощаде, дрянь– крикнул я в удаляющуюся спину, странно вздрагивающую плечами.– И суп свой сами жрите. Тоже мне, недотрога. Преступница монахиня.

Я схватил с подноса симпатичную, расписанную цветами тарелку и обжигая руки со всей силы запустил ее вслед убегающей мартышке. Тонкий фарфор со звоном разлетелся на тысячу осколоков, ударившись в земляную стену.

– Ну сиди тут голодный,– всхлипнула идиотка откуда – то сверху. По голосу я понял, что она плачет.

## Глава 4

ЕВА

Ванька ушел, таща на поводке подскакивающего, словно на пружинах пса. Я проводила взглядом расстроенного сына. Ну почему мой сын снова страдает из – за противного наглеца томящегося в подвале? Он даже в таком незавидном положении, умудряется портить нам жизнь.

Я подошла к допотопному телефону, место которому давно на помойке и набрала номер матери.

– Чего тебе? – как всегда: ни здрасти, ни как там мой внук? Сразу в лоб.

– Мам, мне бы это…– заискивающе пропищала я, проклиная себя мысленно на все лады, за идиотский просящий тон.

– Ты всегда звонишь только когда что – то от меня хочешь,– сварливо рыкнула в трубку любящая мамуля. – Что на этот раз?

Мне стало очень обидно. Мамины слова не отвечают действительности. Я никогда и ничего у нее не просила. Ушла из дома в восемнадцать лет, и с тех пор трепыхаюсь в житейском болоте, абсолютно самостоятельно набивая себе всевозможные шишки.

– Мам, можно Ванька у тебя дня три поживет?– набравшись смелости, на одном дыхании выпалила я. – очень надо.

– Надо ей. Ты когда мальчишку не понятно от кого приживала, думала, что на всю жизнь хомут вешаешь на свою ослиную шею? – завела мама любимую песню. Бедный мой сыночек, я сама его пихаю в клетку к голодному тигру на целых три дня, которые в компании Виолетты Тихоновны покажутся ему вечностью.

– Мам, ну зачем ты? – в горле снова встал противный колючий ком. Обида завихрилась в душе, как ядовитый плющ. Мама никогда не помогала мне с Ваняткой, даже из роддома меня встречала Галька с охапкой каких то покалеченный, чахлых астр и пакетом, забитым до отказа деликатесами, для врачей, купленных ею на последние деньги. И спала со мной по очереди Галка. Мы с ней были похожи на двух выживших в мясорубке бойцов. Ванюшка был

очень ьеспокойным. И я очень давно хотела ввысказать матери свои обиды, но трусливо прятала голову в песок. Потому что, боюсь мамусю до одури.

– Ну, хорошо. Привози спиногрыза,– милостиво прервала мама поток моих горьких размышлений, – но учти, кормить пайана не на что. Так что денег привези.

Я вспомнила всегда забитый до отказа Виолетин холодильник и хрюкнула от обиды. Мама всегда считала, что для детей важна умеренность во всем. И растила меня по этому принципу. Она смаковала красную икру, а я давилась отвратительной манной кашей. И до восемнадцати лет считала, что деликатесы мне вредны. Вот наивная.

– А ты не можешь за ним заехать? – совсем уж обнаглела я. Ну а что, не могу я оставить свой пост. Мало ли, что этому избалованному мерзавцу Вольскому взбредет в голову.

– За такси заплатишь,– буркнула мамуся и отключилась. Ну, конечно. Она приедет на самом дорогом извозчике. В этом я даже не сомневалась.

Конечно заплачу, куда же я денусь. Я взлохнула и усттавилась в посудный шкаф. Боже, какая я дура. Ну зачем решила угодить мерзкому хаму. Ну почему я всегда делаю глупости. Он разбил мою тарелку от праздничного сервиза. И издевался надо мной. А я даже ответить не могла ничего. Таращилась как дура на … На… Ну в общем, сейчас я чувствую себя так, словно меня противоестественно попользовали. Да еще плату с меня вязли за это. И то что я видела меня невообразимо поразило, даже при условии, что в дурацком подвале было очень даже не жарко. Чертов мажор, чтоб его розорвало. Но, красив, как бог. Права Галка, ох права. У меня уже крышу срывает от монашеской жизни. Тьфу ты черт, нашла о чем думать. Лицо снова запылало, так словно с него заживо собрали кожу. Я на автомате перемыла посуду, скопившуюся с утра в раковине, чтобы не сойти с ума от ожидания. Галька должна бы уже явиться с новостями. Думаю трех дней нам хватит, чтобы или получить деньги, или навсегда лишиться даже того, что имеем. Даст бог все хорошо будет, и Ванюшка наконец сможет жить, как заслуживает. Плохие мысли я упорно гнала из своей дурной головы.

– Мам, смотри что я нашел! – радостный Ванюшкин голосок, позвучавший совсем рядом, заставил меня вздрогнуть. Симпатичная чашка с кисками, выпала из моих

рук и с громким звоном разлетелась по полу. Я так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как вернулся мой сын. Эдак я скоро совсем без посуды останусь. Слезы брызнули из глаз. Чашка была моей лббимой. И хоть и говорят, что посуда бьется на счастье, у меня почему – то было дурное предчувствие.

– Ну, не плачь, мам. Мы теперь тебе сто таких чашек купим. Смотри, Бобчинский раскопал что, возле ворот.

Мальчик сунул мне под нос измазанную грязью ладошку. Я уставилась на предмет в его руке и едва не заорала от ужаса.

– Где ты это взял? – обмирая от страха спросила я, рассматривая дорогое портмоне из кожи питона, вывазюканое в глине.– Я же тебе сто раз говорила, не поднимай ничего на улице.

– Ма, ну не начинай,– поморщился Ванятка. – Позвоним дядьке – растеряше, он нам может вознагаждение даст. Там денег полно, кредитки, карты банковские. Конечно даст вознаграждение. Может даже не плейстейшен хватит.

– И еще поддаст,– вздохнула я, глядя на радующегося ребенка. И как нас угораздило? Хорошо Ванюшка нашел «лопатник», фу ты господи, отколько только словечко то такое у меня выплыло. Точно, организм готовится к уголовному будущему. Будем мы сидеть с Подвигалкиной на нарах, сплевывать под ноги, и вспоминать, как погорели на такой мелочи. Слава богу мне удалось воспитать сына правильно. Он не вытащил пачку денег и не присвоил их себе. А честно хочет вернуть свою находку ротозею. Вот только проблема в том, что телефон Вольского мы с Галкой вандальски уничтожили, чтобы нас не смогли по нему отследить. Ну ла, мы же пересмотрели миллион фильмов про похищения людей, прежде чем стырить с парковки наглого миллиардерского сынка.

– Мам, ты меня слышишь вообще? – Ванька дотронулся до моей руки, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Вань, давай я сама позвоню,– устало сказала я. Теперь придется что – то придумывать. Потому что если Ванюшка сам начнет звонить по номеру на визитках, найденных в портмоне и не дозвонится, он понесет находку в полицию, я знаю своего сына. И это будет наш с Подвигалкиной крах. Или как говорит сынуля «Это фиаско, братан».

Галька явилась только спустя три часа, за которые я едва не тронулась разумом. За это время я испекла курицу, и нажарила картошки и нарезала два салата. В общем, развлекалась как могла, лишь бы унять нервную дрожь.

Подвигалкина ввалилась в кухню, как раз когда я вынимала из духовки уродские овсяные печенья – верх моего кулинарного мастерства. И судя взлохмаченной, бешенно вращающей глазами личине Галки я поняла – что фиаско все же нас настигло, при чем в самой поганой его форме. .

– Ты позвонила Олегу Евеньевичу? – осторожно спросила я, глядя, как Галюня жадно хлебает ледяной морс, прямо из графина.

– Телевизор включи,– наконец прохрипела она, когда на дне графина не осталось и капли напитка.

Я белкой метнулась за пультом, нажала кнопку и замерла на месте, не в силах отвести глаз от мерцающего экрана.

– Скажи, мы хорошо выглядим? – хмыкнула Подвигалкина, пока я смотрела кадры с камер видеонаблюдения. Я промолчала. На меня вдруг навалилась такая усталость, что все прилличные слова испарились из моей идиотской головушки.

На экране две темные фигуры, волоком перли обездвиженного Вольского, и выглядели при этом довольно жалко. В следующем блоке я увидела, как Галка спотыкаясь, гонит несчастного мажора, размахивая винтовкой, как чингачгук тамагавком. Боже, мы даже как киднепперы ничтожество.

– Известный светский лев, наследник империи развлечений был сегодня похищен прямо из дома. Судя по кадрам с камер видеонаблюдения его ждали двое преступников. Похищение было организовано профессионально,– вещала из телевизора хорошенькая дикторша. – Час назад пхитители связались с родными Руслана Вольского и выставили свои требования. В целях ....

Дальше я не слушала. Все шло не по плану. Совсем даже не по плану.

– Слыхала, мы профессионалы,– нервно заржала Галка. И я поняла, ей страшно до ужаса.

РУСЛАН

Я потерял счет времени. Эти поганки отобрали у меня все: одежду, телефон, свободу. Хорошо хоть чувство собственного достоинства осталось при мне. Я завернулся в уродское одеяло и свалился на кровать, провалившись в растянутую панцирную сетку почти до самого пола, как в гамак. Холод в этом подземелье стоял просто могильный. Я диранул ногтем по стене, рисуя зарубку. Буду потом, как Робинзон Крузо ориентироваться. Ну да, тупая затея, я же не понимаю, когда день сменяется ночью. Полный беспросвет. Стена поддалась слишком легко, я попробовал расковырять уже накерненую царампину. Ну точно, стена земляная, а это означает…

– Эй, ты живой там? – от неожиданности я вздрогнул, и попытался выскочить из дурацкого сетчатого гамака.

Я вредно промолчал, слушая шебуршение сверху.

– Галь, давай не пойдем? Молчит, значит все хорошо у него,– хныкнула мартышка. Я узнал ее по голосу.– Он там без трусов.

– Ты какого черта мое имя спалила, Чита? – недовольно откликнулась женщина – викинг. Это именно она меня сковала. И ее я ненавижу больше чем припадочную обезьянку. У той хоть иногда бывают проблески сознания. Не то, что у этой кобылы, которая смогла завалить тренировнного мужика, вырубив его одним ударом.

– Почему Чита? – пискнула блаженная.

– Потому что у Тарзана была подружка – обезьяна Чита,– весело гоготнула Галя. Имечко, как у бабки с рынка, а поди ж ты. Похитительница.– Идем уже, ничего нового ты там не увидишь. Тарзан тоже голым бегал.

Я не выдержал и засмеялся. Надо же, фантазия у дамочек.

– Ты там не очень то веселись,– грубо окликнула меня мерзавка, – мы сейчас вернемся.

Дверь тихо хлопнула. Интересно, куда понесло этих двух идиоток? Я задумался. Девки, судя по всему, работают не одни. В противном случае они или совсем отбитые, или слишком везучие. Дом, в котором я купил квартиру, натыкан камерами слежения. Ну не могли они не проколоться. Все равно засветились. А это значит, что меня найдут быстро. Чита, что – то мямлила про выкуп. Отец не станет скупиться, выкупит меня. Слишком уж он дорожит своей репутацией. А кто будет иметь дело с мужиком, который не заплатил за вызволение своего единственного сына? Никто же не знает наших отношений. Фасад нашей семьи выглядит вполне себе цивильно.

Дверь снова скрипнула. Я сорвал с себя одеяло, и принял как можно более расслабленную позу, покзывая себя во всей красе, так сказать. Кожа тут же пошла мурашками от влажного подвального холода.

– Ой,– пискнула мартышка, тащащая на подносе гнутую алюминиевую миску, накрытую кастрюлбной крышкой. – Галь, я пойду. Можно?

Девка, пряча глаза грохнула об пол поднос, и ломанулась к лестнице, словно за ней черти гнались.

– Стоять, – рявкнула Галя,– а ты срам прикрой. Не видишь что ли, что моя подельница стесняется? Я одеяло зачем тебе дала?

– Вы преступницы, или институтки?– поморщился я, едва сдерживая рвущийся из горла смех.– Вы же должны быть хладнокровными и безжалостными.

– Не твое дело,– хрюкнула Галина из под резиновой маски.– Слушай, не доводи до греха, а? Я ж по хорошему хотела.

Эта дрянь сунула руку в карман и двинула в мою сторону. Аж интересно стало, что она там придумала. Я напрягся. Слишком уж решительно настроена была дамочка.

– Галь, не надо,– вякнула Чита, но кто бы ее слушал. Девчонка дернулась в нашу сторону, но споткнулась о поднос. Крышка с грохотом слетела с гнутой миски, что ее остановило, на мою беду. По камере поплыл умопомрачительный аромат мяса и овощей, отвлекший меня от надвигающейся фурии. Потому я и просмотрел, что держит эта дрянь в своей поганой ручонке.

– Не лезь,– голос женщины – палача, прилушеннй маской не сулил ничего хорошего. Я подобрался, готовясь дать отпор. Что мне, кстати, далось с трудом. Каким бы подонком я не был, женщин я никогда не бил.– А ты не заставляй применять к тебе силу.

Интересно, откуда в ней столько силы. Фигурка то тщедушная, может чуть более оформленная, чем у обезьяны. Но тоже не гераклическая. Противная баба сделала молниеносный выпад в мою сторону. Я не успел среагировать, с силой обвалился в продаленное ложе. Представив, как я выгляжу, сложенный пополам, голый с торчащими кверху ногами, а задницей достающий почти до самого земляного пола, я зарычал от злости. Затрепыхался пытаясь вырваться из дурацкого плена проржавевшей панцирной сетки. Галя, вопя как бегемот в брачный период, схватила меня за щиклоткт и что – то натянула на ноги.Ооооо нет, ну вот, теперь у меня отобрали и чувство собственного достоинства, последнее, что оставалось. Мерзавка вытянула меня из провала кровати словно репку, и молниеносно дернула вверх отвратительную кружевную тряпку.Я изловчился, и содрал с этой дряни резиновую маску. Под личиной зомби скрывалась оказывается молодая дама, слишком носатая и скуластая. Терпеть не могу таких колхозниц.

– Красавец,– недовольно констатировала дрянь. –Ну что, насмотрелся? Вижу, что не нравлюсь. Но ты с этим иподохнешь. И попробуй только сними трусишки. Я тогда в следующий раз тебя наряжу в боди, наделаю снимков и в сеть выкину. Мне терять то нечего уже. А вот ты можешь начинать бояться за свою снобскую, богатенькую жопу.

– Я тебя убью,– прорычал я, проведя пальцем по горлу.– Выверну на изнанку, мразь.

Трусы кололи нещадно. Размер мне явно не подходил. Адские кружева врезались в кожу. Словно специально выбрали бельишко, чтобы доставить мне как можно больше страданий. Но Галина явно была удовлетворена моим позором.

– Вы поешьте, Руслан Олегович,– мартышка вышла из тени, неся перед собой головокружительно – пахнущее блюдо.

– Сама жри свою бурду,– прохрипел я. Я уже слышал этот голос. Просяще – умоляющий. Совсем недавно. Но где? Где, черт ее побери. – И миска

подходящая. Как раз для таких поганых сук, как вы. Тебе Галюня, вообще надо в хлеву жрать. Ты же лошадь, а скорее кобыла страшная. А ты дура,– посмотрел я на испуганную Читу. Ну, по крайней мере ручонки у бабы дрожали, значит она совсем не хладнокровна. – Тебя эта дура на дно тянет. Уж поверь, я когда отсюда выберусь, я вас уничтожу.

– Кстати, об этом мы и хотели спросить,– спокойно спросила Галина,– как у вас дела в семье?

– Тебе то какое до этого дело?– ощерился я.

– Видите ли, Руслан,– нахалка оскалила лошадиные зубы,– я звонила вашему папеньке. Но некая Альбина сказала, что ему похрену, что с тобой станет. Смекаешь?

Я застонал. Твою мать, ну конечно. Теперь я точно сгнию в этой поганой дыре.

– Пошла в жопу,– прорычал я, давая понять, что разговаривать сегодня больше не намерен.

## Глава 5

### ЕВА

– Это были мои любимые трусы,– зло пропыхтела я, ставя перед галкой тарелку с курицей и картошкой пюре.

– Их давно надо было захоронить, как переработаный уран,– невесело хмыкнула Подвигалкина.– И поверь, это не самая большая наша проблема. Но придурок прав – мы должны быть хладнокровными и безжалостными.

– Галь, что тебе Олег Евгеньевич сказал? Ну, когда ты ему позвонила,– задала я мучающий меня вопрос. Мне было жалко моего бывшего начальика. Во – первых, у него сын такой мерзкий, жена стерва, а тут мы еще денег требуем. А дядька

немолодой уже.

– А ничего не сказал,– активно работая челюстями, промямлила подруга.– Со мной его жена разговаривала – Альбина Атласовна. Знаешь, я вот всегда удивляюсь, что за имена у них такие: Атлас, Палас.

– Ты давай ближе к теме,– гаркнула я, хватаясь за Галькину тарелку ву которую она вцепилась пальцами. Поняла зараза, что я в ярости. – Сколько нам еще этого подонка терпеть? У меня ребенок, между прочим.

– Ладно, не пыли,– миролюбиво улыбнулась Подвигалкина.– Тетка сказала, что Олег Евгеньевич приболел. Старость не радость, знаешь ли. Ну, я как мы и договаривались ей наши требования озвучила: два миллиона долларов в мелких купюрах. Сказала, что если она сообщит в полицию и репортерам, то они получат своего дорогого Руслана мелкими посылками, грамм по триста. Частями, короче.

– Мы про «частями» не договаривались,– зашипела я, едва справляясь с желанием огреть Гальку карышкой от кастрюли. – Ты совсем одурела? Олег Евгеньевич не заслуживает такого. Он ко мне, как к дочери относился. А ты…

– Да, и пендаля дал тебе под твой распрекрасный зад он тоже по родственному? Очнись, Чита. Наш пленник весь в папулю. От осинки не родятся апельсинки. Не очень то ее напугали мои обещания, если тебя это успокоит. Судя по тому, с какой скоростью эта новость попала на все телеканалы, они либо дураки, либо …

– Еще раз назовешь меня Читой, я тебя разорву,-шепотом пообещала я подруге, опасаясь что наш диалог услышит Ванятка.

– Ладно, не ори,– Галька явно не была настроена ссориться,– давай думать, что дальше делать. Тебе наверное придется на разведку идти. Там же тебе еще вроде денег должны остались.

– Где? –тупо спросила я, пытаясь вырвать телевизор, висящий в кронштейне на стене.

– В Катманде,– рявкнула Подвигалкина.– Ты чего делаешь? Умом поехала, что ли от страха?

– Руслан просил телевизор ему принести,– пропыхтела я, сражаясь с неподдающейся «плазмой»

– Попросил? Это когда он нам в спину проклятия сыпал, и требовал благ? – загоготала Галка.– Ты и вправду блаженная. Ванька где будет мультики смотреть? В фантазиях?

Я замерла. А и вправду, ради кого я лишаю своего ребенка возможности смотреть любимого Спанч Боба. Вот только поганая совесть, доставшаяся мне видимо от папули – идиота, как называет его мама, все же иногда берет верх над моим разумом.

– Мам, вы чего тут орете? Во дворе слышны ваши вопли. Опять соседи скажут, что у нас дурдом,– Ванюшка появился в кухне. Я бросила попытки снять со стены телевизор, и прижала к себе сына, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы.

– Ничего, Вань. Просто разговариваем,– успокоила ребенка Галка, – зомбоящик висел криво вот мы и спорим в какую сторону его крутануть, чтобы не окосеть.

– С Бобчинским, что – то не то,– выдохнул мой сын. Вот только этого мне сечас не хватало. Этот пес – хвостатая, нескончаемая проблема. У него то хубы растут в два ряда, то понос, после разграбления помойки, то корм ему не подходит. В общем не пес, а сто рублей убытка.

– Что на этот раз? – спросила я обреченно.

–Он воет, беспокоится, и все время тащит меня к подвалу. Вы тоже туда шмыгаете постоянно, да еще и с кастрюлями. Я видел. Кто там у вас?

– Крысы,– слишком поспешно вкрикнула я. – Огромные, как кони. Мы потому тебе не говорили, чтобы ты не боялся.

– И вы подкамливаете, растите монстров для охоты на соседей?– хихикнул мой сын.– И змею придумали поэтому?

– Вань, мать правду говорит,– наконец подала голос до этого ошалело молчащая Галюня.– Мы отраву туда носили, так что не ходи пока туда.

– И не собирался,– заверил ее ребенок, и обреченно вздохнул, -меня мама к Виолетте ссылает.

– Сочувствую,– потрепала его по вихрастой голове Подвигалкина.

– Мам, телевизор есть еще один в кладовке,– вдруг по – взрослому сказал Ванюшка.– Ну тот, который ты гробом зовешь. – Можно я его себе в комнату поставлю.

– Когда вернешься, поставим,– пообещала я, вспомнив про допотопное окно в мир, пылящееся в дальней кладовой. Теперь бы еще придумать, как отволочь этого монстра советской промышленности в подвал. В конце концов, даже в тюрьмах людям создают пригодные для жизни условия. А Вольский не маньяк и не убийца, а просто мерзавец. За это не судят.

Ванька схватил со стола печенье и убежал. Детский разум прекрасен. Умеет быстро выкидывать из себя то, что ему не нужно. Хотя, мы бы с Галкой, когда были детьми, обязательно полезли бы в подвал, и попытались поймать огромного пасюка. Но мы же идиотки.

– Только не говори, что мы попрем этот гроб на колесах в подвал,– предупреждая мой месседж, простонала Галка.

– И его, и матрас, и ведро купишь в хозтоварах нормальное, с сидушкой, как у унитаза,– зло выплюнула я.

– А ху- ху, не хохо? – спросила эта гадина, сунув мне под нос фигуру, скрученную из трех пальцев.

Я схватила половник, даже успела замахнуться на вредную подружку. Она не осталась в долгу, и с визгом вцепилась мне в волосы.

– Прекрасно,-голос прозвучавший, как раскат грома, заставил нас с Галиной разлететься в стороны и уставиться на женщину, появившуюся бесшумно, словно ниндзя.– Потрясающе. Это именно то, что я рассчитывала увидеть.

– Мама,– пискнула я,– ты же позже хотела приехать. А мы ту с Галей…

– Мне не интересны ваши эротические фантазии,– фыркнула любящая маман.

– Какие? – глаза Подвигалкиной, красиво наливались бешеннством, мои же наоборот начали активно дергаться.– Виолета Трахановна, ой простите, Тихоновна, вы берега попутали, или все таки дедушка Альцгеймер поборол брезгливость и принял вас в свои адепты?

– Ты всегда была мужичкой,– не осталась в долгу моя мамуля.– Позор. Я рожала дочь, мучалась, а теперь людям в глаза не могу смотреть. Дочь – лесбиянка – это же приговор. Хотя, от идиота, могла родиться тоько идиотка. Гены. Диагноз.

Я уставилась на мать. Ну как так получилось, что она вообще решилась меня родить? Эгоизм родительницы пересекал все мыслимые и немыслимые пределы. Всю жизнь она восспитывала во мне чувство неполноценности. Способы для этого она выбирала гестаповские. Наверное поэтому я выросла безвольным и безотказным существом. Как говорит Галка – амебой в лифчике. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что данную часть женского туалета мне и надеть то не на что.

– Где мальчик? – гаркнула Виолетта.– Я в вашем гнезде порока не могу находится.

– Мальчика, кстати, зовут Ванюшкой,– влезла Подвигалкина, которая в отличии от меня не впадает в состояние гроги, при виде моей мамуси.– Пора бы запомнить.

– Мам, Ванюшка собирается,– попыталась я сгладить ситуацию.

Первым в кухню ворвался Бобчинский. Я не успела остановить жизнерадостного песика, который от радости виляя хвостом, подскочил к гостье и подпрыгнул, чтобы выразить дружелюбие. Пес тоже идиот, давно бы уж должен был

привыкнуть, что с Виолеттой не проходит его радость.

– Разведут тварей,– рыкнула мама, и со всей силы пнула хвостатого малыша, который взвизгнув упал на пол, от неожиданности описавшись. Я бросилась к дрожащей собаки, чувствуя, как в груди клокочет ярость.– Вся в отца. Такая же блаженная.

– Мам, не надо,– прошептала я, молясь, чтобы Ванюшка сейчас не вошел в кухню. Галька молча ковыряла выилкой новую клеенку на столе, уткнувшись взглядом в пол. Но матушку несло по кочкам.

–Конечно не надо. И рожать было не надо не знамо от кого. И замуж выходить за пустострела, который при первом же случае слинял, бросив тебя с мальчишкой, который сейчас и тебе в тягость.

– Неправда,– устало вякнула я, зная, что спорить с Виолетой себе дороже.– Мой сын самый лучший.

– Ты поэтому его на меня сбагриваешь? – хищно улыбнулась мать. Я почувствовала себя больной. Никогда в жизни я бы не отправила Ванюшку к ней, если бы не мерзавец Вольский, томящийся в моем подвале. – А у меня давление, между прочим. И мигоени, но тебя же это не волнует. Ты же не думаешь, сколько денег я потрачу на лекарство, измотавшись с твоим сыном.

– Ев, дай ей денег уже,– не выдержала Галка. – Ты что не видишь, что это обычный шантаж?

– Конечно не видит,– хмыкнула Виолетта, снова заставив меня чувствовать себя идиоткой. Я прижала к груди вздрагивающее тельце собаки. Ну, Вольский, теперь я точно сдеру с тебя выкуп. Пути назад нет, я не могу сесть в тюрьму, потому что Ванька никому кроме меня не нужен, даже собственной бабушке, которая ищет только выгоду в общении со мной и с ним.

Пока я, застыв как изваяние, прокручивала в голове свои невеселые мысли, в комнату вбежал Ванюшка. Он уже был одет, за спиной болтался яркий рюкзак, в который он сложил свои любимые игрушк и книги.

– Ба, можно я Бобчинского с собой возьму? – бесхитростно оинтересовался ребенок, не желая расставаться со своим другом и на минуту.– Я сам его гулять буду и убирать за ним.

– Тут на такси не хватает,– не обратив внимания на внука, предъявила претензию Гальке, сующей ей деньги, мамуся. – И на обратную дорогу.

– Ба, ну можно? – завертелся вокруг бабушки Ваня.

– Нет,– рявкнула любящая бабуля. В глазах моего сына заблестели слезы. Мне стало так стыдно, так больно, что я отсылаю его туда, где ему будет плохо.

– Вань, я куплю тебе плейстейшен. Вернешься и он уже будет тут,– шепнула я, провожая его до двери.

Мать даже не сказала мне до свидания. Так и ушла, распрямив плечи, с видом вдовствующей королевы.

– Твою мать,– выдохнула Галка, заглядывая в кошелек, в котором после рассчета с Виолеттой остались какие – то копейки.– Как у нее так получается а? Вот скажи. Я за эти деньги сегодня такого позора натерпелась. Голову чуть отмыла. Прикинь, приехала на вызов. Корова вымя порвала. Бабка плачет, кормилица в хлеву орет дурниной. И этот божий одуван мне говорит: «Дочь, ты б косыночку повязала». В общем, я то не послушалась старушку, полезла вымя шить – Галкины слова доносились до меня словно сквозь вату. Я все прокручивала в голове злые материны слова, и наполнялась злостью и решимостью. Всю жизнь я прожила идиоткой. Идиотство у меня в крови, так мне говорила мать. Внушала с раннего детства. И папаша мой, по ее словам, был идиотом. Точнее, сначала он был космонавтом, моряком, полярником – легенда варьировалась. Отца я не знала, да и не думала особо о геройском родителе. Ну нет и нет, эка невидаль. Да у половины двора не то что отцов, матерей не было, как вон у Галки. Ее бабка воспитывала. Со временем папуля трансформировался в идиота, а я в наследницу его гена. И дуаже думала, что он умер от этого, пока вездесущая Подвигалкина меня не просвятила, что мужик являющийся моим родителем, скорее являлся спортсменом – биатлонистом любителем, смазавшим лыжи еще до моего рождения, не выдержав характера своей благоверной. Папуля сошел с дистанции, после того, как беременная фурия едва не довела его до самоубийства, и никто во дворе его за это не осудил. Вынести характер моей

матушки, усиленный перестройкой гормонов, не смог бы выдержать даже монах, принявший обет всеобъемдющего послушания.

Поведала все это моей подружке ее бабка, метко прозванная местным бомондом Полицайкой, и так же дружно ненавидимая все тем же бомондом.

– Зато волосы теперь блестят. Воняют немного, но эффект… – протянула Галка.

– Что за шампунь? – машинально спросила я, вынырнув из воспоминаний.

– Коровьи каки называется,– гыкнула Галка, – ну, поехали, ведро, что ли купим. На него у меня пиастры остались еще. Да возле «Империи детства» покрутимся. Проведем рекогнсцинировку местности. Тебе же завтра туда идти.

– Куда? – тупо спросила я.

– Ой, горе,– вздохнула Подвигалкина.– Поехали уже. Только графу нашему Монтекристо телевизор отволочом. Права ты, Чита. В любой ситуации надо оставаться человеком. Не будем уподобляться Виолетте Тихоновне.

– Галь, они ведь нам заплатят? – тихо спросила я, уже скучая по сыну.

– Ну, конечно,– слишком жизнерадостно гаркнула моя подруга , и я поняла, что она вообще ни в чем не уверена.– Ну не через три дня, неделя максимум.

Я вздохнула. У меня нет недели. Просто не выдержу, зная, что мой сын подвергается пыткам маминой стряпней и постоянным ядом. Завтра я возьму все в свои руки. И пощады не будет. Я стану безжалостной Читой, быстрой и яростной.

РУСЛАН

Жрать хотелось нестерпимо. Я встал с кровати и малодушно поплелся к гнутой миске, оставленной этими паразитками. Куски курицы в подливке выглядели аппеititно. Ну не отравят же они меня? За труп им точно ничего не обрыбится. Я запустил пальцы в еду, вилки мне не выдали. Видимо побоялись, что я х

покрошу в капусту столь страшным оружием. Мясо оказалось божественным, может просто с голодухи. Набив живот, я почувствовал себя человеком, и даже слгка задремал на своем «царском ложе». Слегка, потому что задница и пах нещадно зудели от дешевого капронового кружева, но я почему то сразу поверил обещаниям полоумной Гали про боди. Да и удобнее в трусишках, хоть и похож я сейчас на нищего транссексуала. Я встал с кровати, чтобы размять мышцы. Тело требовало порции тренировок, к которым я его приучил. Да и выпить я бы тоже сейчас не отказался. Твою мать, меня похитили две чокнутые бабы. Позорище. Я сделал с десяток приседаний, и уже улегся на пол, расстелив одеяло, чтобы провести серию упражнений на пресс. Но не успел. Точнее, я не успел подняться из положения лежа. Видимо увлекшись, я просто не услышал, как хлопнула дверь.

– Давай, твою мать,– голос страшной лошади разнесся нал моей головой, как гром.

– Даю,– пропыхтела Чита. Мне стало интересно, что там творят две эти идиотки. Какую еще пытку мне придумали. Додумать я не успел. Раздался грохот. Сначала на меня упало странное ведро. Я дернулся в сторону, сгруппировался, но вскочить на ноги не успел. Раздался мат, услышав который любой маргинал бы сначала покраснел, а потом загнулся от зависти, и на меня упало легкое женское тело, впившись в распластонного на полу меня костлявыми конечностями.

– Прекрасно,– пропыхтел я, пытаясь скинуть с себя захватчицу в обезьяньей маске. – Только вот я не люблю тощих обезьян. Тебе детка надо научиться держать себя в руках, и не седлать мужчин, которые тебя не хотят. Или что, совсем все плохо, что ты меня решила изнасиловать?

– Да пошел ты,– надо же, а у тихони то зубки есть.– Даже если ты последним на земле будешь самцом, я на тебя не позарюсь.

Чита завозилась на мне, пытаясь собраь в кучу разъезжающиеся конечности. И то, как отреагировал на нее мой организм мне совсем не понравилось. И трусы эти мерзкие, черт бы их побрал… Я схватил ее за шкирку, и поставив на ноги, поспешно обернул вокруг бедер одеяло. Девка уставилась на меня, и в прорезях маски блеснули вызывающей синевой глаза.

–Гюльчатай, открой личико, – прохрипел я. Да твою мать, видимо от воздержания я поехал шифером. Еще бы надо было сказать этой дурехе , что она прекрасная крошка, и за жопу ущипнуть. Это моя коронка. Странно, но бабы ведутся. Тоько вот, что – то мне подсказывало, что эта мегера просто пошлет меня. И пахло от этой мерзавки чем то таким сладким, притягательным.

– Поберегись,– мы едва успели отпрянуть друг от друга. Чита взвизгнула, метнувшись в сторону, а я не успел. Какой – то громоздкий ящик с грохотом сбил меня с ног.

– Жив? – в мой глаз кто – то посветил фонариком. Я сфокусировал зрение и увидел склонившуюся к моему лицу лошадиную физиономию.– А все ты. Телевизор ему надо. Чуть не угробили нашего петушка с золотыми фаберже.

– Галь, яйца куры несут,– подала голос Чита.

– Ты еще поучи ветеринара, различать кур по гендерному признаку,– гаркнула Галка. Иди, компрес ему подержи, всю витрину мужику расфигачили, а я пока технику подключу. Там хоть вход для «видика»то есть в этом мастодонте?

Я пошевелился и услышал тихий вздох. Галька копошилась где то в дальнем углу, судя по звукам, отчаяно сквернословя. Чита явно отвлеклась, потому не заметила, что я пришел в себя. А когда она поняла это, то было уже поздно. Я сделал молниеносное движение рукой и содрал с нее маску, вырвав при этом клок блондиныстых волос, которые запутались в разорвавшейся резинке, держащей маску.

Уставился в женское лицо, глядящее на меня взглядом испуганной козы, пытаясь вспомнить, где я ее видел. У меня всегда была плохая память на лица.

– Ну, что, доволен? Насмотрелся? – невесело усмехнулась Чита.– Теперь тебя точно придется убить, или вон, как Галка предложила, по частям продать тебя твоим родственничкам.

Галина весело хрюкнула из темного угла. Я поправил одеяло на бедрах, прикрывающее чресла, мало ли что они первое захотят мне отчекрыжить. Девка ухмыльнулась, показав жемчужно – белые зубки.

– Завтра будем звонить твоему отцу. И ты должен будешь страдальчески орать в трубку. Выбирай, как мы будем делать так, чтобы ты звучал правдоподобно.

– Ну ты и тварь,– выдавил я.

– Учителя хорошие были. Но ты не бойся, у Галки есть местная анестезия. Больно не будет, чик и готово,– спокойно сказала мерзавка, скользнув глазами по одеялу.– Заканчивай там, Галь,– приказала эта поганка, поднимаясь с места.– Завтра дел полно. Да и секатор купить еще надо. Ты же не против, если мы деньжат на инструмент из кошелька твоего экспроприируем?

Я почувствовал, как мое тело сковывает ледяной холод. Судя по непроницаемому выражению на хорошеньком личике, Чита была настроена решительно. Как я лоханулся. Думал, Галка заводила, а оказалось эта мелкая бандитка еще более ненормальная. Надо срочно что – то делать. Но что? Ненормальные ушли. Я заметался по подвалу, не находя себе места. Поняв бессмысленность моих движений, включил телевизор, и бездумно уставился в мерцающий экран.

## Глава 6

## ЕВА

– И что это было вчера? – спросила Галка, пытаясь припарковаться на маленьком клочке свободного пространства, возле магазина с чудесным названием «Мир ку…ни». Буква Х из названия волшебным образом исчезла, и теперь витрина манила обещанием непристойности.– Ты что, запала на красавчика? Вчера мы так вымотались, что не говоря ни слова обвалились в кровати и отрубились. И я надеялась, что сегодня Подвигалкина не вспомнит моей вчерашней импровизации. Ага, щаззз

– Дура совсем? – обиделась я, поправляя рюши на любимой праздничной блузе. Ну а что, в логово противника нужно отправлятся в полной самоуверенности. – С чего тебе только в голову такая гадость пришла? Знаешь же, как я ненавижу этого мажорика. Просто мне не нравится, как он себя ведет. А так может спесь с

него спадет.

– Ну – ну,– хмыкнула Галька, переводя рычаг на нейтралку.– Иди уже, Мата Харя. Смотри, как бы там с с твоей многоумной персоны в очередной раз не сбили спесь. Требуй, чтоб деньги вернули, а то мы скоро с тобой отправимся в мир, который нам обещают на вывеске вон.

– Галь, ну зачем ты меня пугаешь? Я и так боюсь, аж писать хочу,– хныкнула я, чувствуя, как меня распирает.– Может ну его. Поехали домой. У меня есть Бейлис.

– Иди,– приказала подружка, и пихнула меня в бок, как раз в тот момент, когда я дернула ручку. От неожиданности я вывалилась кулем на асфальт, и едва не зарыдала, услышав треск ткани. Да уж, войду я в стан врага похоже не победителем. Сейчас я больше похожа на бойца вражеской армии, затыканного невзгодами и суровыми погодными условиями. Белая блузка не вынесла падения, и теперь в прореху на боку нещадно поддувало. Да и грязные пятна на лице и ссадины на руке шарму мне не прибавляли.– Ну вот. Теперь тебе точно вернут все, что должны. Я бы и то тебе подала,– хмыкнула Галка, закатив глаза. Ты неподражаема, Чита. Надо было маску поросенка брать. Она больше подходит твоему состоянию души.

Я не стала дослушивать издевательств. Медленно заковыляла к высокому офисному зданию, светящемуся в солнечных лучах миллионом окон, как елочная игрушка. Толкнула дверь и вошла холл, который за долгие годы работы в концерне изучила лучше, чем свой собственный дом.

–Евка, ты чего тут? – я вздрогнула от неожиданности, услышав собственное имя. Повернулась к источнику звука и увидела администратора Леночку, глядящую на меня ясными глазищами, обрамленными искуственными ресничками.

– За рассчетом пришла,– буркнула я, чувствуя себя в своей рваной блузке, усыпанной пятнами, ущербной, рядом с небесным созданием. Про леночку говорили, что она спит с Русланом. И почему то мне эти слухи не казались такими уж фантастическими. Вольский именно к таким девушками и питал страсть, судя по снимкам в глянце. – Олег Евгеньевич на месте? Я бы хотела с ним увидеться.

– Тебе в бухгалтерию нужно,– проблеяла Ленуська, уставившись мне за спину. Я поежилась. Такой взгляд у красавицы бывает только в случае испуга или мыслительного процесса. Второе, кстати, случается у моей коллеги реже, а точнее никогда. – Слушай тут такое творится. Полиции полон офис. Всех допрашивают. Олег Евгеньевич в ярости. Альбинка на коня вскочила. Ужас. Все тут живем постоянно в страхе.

– А что случилось то? – шепотом спросила я, зная и что и так сейчас весь расклад узнаю. У Ленки язык совсем без костей. А тут свободные уши нарисовались. Только вот болтливая администраторша захлопнула свои гилауроновые губки, и завращала глазами. Мне даже показалось, что ее сейчас разорвет от напряжения.

– Не могу рассказать. Скзали, что уволят всех, к чертовой матери, если языками мести будем. А у меня кредит на машину и ипотека. Но, ты зря пришла сейчас. Ев, иди домой, а. Бухгалтерия все равно пока не выдает никаких денег. Из – за Руслана, черт бы его побрал и мы сидим на эфесе, ножки свесив. Там требуют выкуп, а следователь такой дотошный. Зверь просто.

– Лен, я можно в туалет сгоняю только? – пискнула я, поняв, что больше и слова не добьюсь от красавицы. Слишком уж резко она прекратила свои излияния. Да, видимо рассчета мне не видать, как собственных ушей. И придется нам с Подвигалкиной снова есть ону капусту. Или все же распечатать портмоне найденное Ванькой. А что, от многого немножко, это не грабеж, а дележка.

– Давай, только быстро,– приказала Леночка. – А то снова по шапке получу. Живем, как на вулкане.

Я прошла по коридору, удивляясь его пустынности. Обычно то жизнь тут кипела, а сегодня даже в курилке возле сортира тишина. Скользнула в кабинку талета и приступила к ритуалу, трудолюбиво пыхтя. Застелила сиденье унитаза туалетной бумагой в два слоя, и зависла над толчком, пытаясь не свалить дело рук своих. Терпеть не могу общественные уборные. Брезгую. И потому всегда таскаю с собой мирамистин и салфетки. А сегодня все это я забыла дома, потому что Подвигалкина спешила, как на пожар.

– Да, деньги приготовили,– услышала я капризный голос из соседней кабинки.– Этот старый идиот может отдуплиться от нервов. Сил больше нет терпеть.

Я замерла в позе орла зависшего над гнездом и забыла как дышать, превратившись в слух.

– Эти придурки сделали нашу работу,– хохотнула женщина.– Знаешь, что я сделала в первую очередь. Сообщила в СМИ и полицию, может убьют гаденыша, как обещали. Слушай меня внимательно. Полиция сидит на телефонах офиса неотлучно. Эти ненормальные похитители требуют денег. Сумма уже подготовлеа, место передачи неизвестно. Как только киднепперы позвонят, я сообщу тебе. Перехватишь чемодан. Да не ори, я все продумала. Эти дураки точно прикончат Руслана, не получив выкуп. И я стану наследницей. Да, я знаю, что гениальна.

Послышался звук сливающейся из бачка воды. Щелкнул дверной ригель. Я со скоростью белки встала на карачки, забыв про брезгливость, и вытянула шею, пытаясь рассмотреть женщину. Но увидела лишь дорогущие, кроваво красные туфли и женские голени, затянутые капроновыми колготами. Хорошо же я сейчас выглядела сейчас в колено – локтевой позе, с задранной голой заднице. Ладно хоть Галка не видит, а то бы мне не сдобровать. С трудом поднявшись на ноги, я натянула штаны и забыв про то, зачем собственно шла в уголок задумчивости выскочила из туалета и понеслась к выходу.

– Как всегда, прекрасна,– констатировала Галка, стоящая возле своей раздолбанной ласточки,– что на этот раз? В туалете было нашествие призраков, до такой степени тебя испугавших, что ты спасалась бегством? Зарплату пи – пи факсом выдали? Или ты сама натырила бумаги, вместо компенсации?

– Ты чего, совсем дура? – пропыхтела я, пытаясь выровнять дыхание.

– Да нет, я то вроде в уме. А вот ты выглядела ошеломительно, с развевающимся хвостом из туалетки, и красной физиономией.

Я оглянулась назад и едва не застонала. Боже, меня же видела куча народу, когда я несласьчерез фойе. Больше не пойду в офис ни за какие деньги.

– Ну давай, что узнала выкладывай,– приказала Галка, когда я наконец избавилась от хвоста и мыуселись в машину. – Судя по твоему лицу, новости есть.

Я кивнула и выложила все, что услышала в туалете. Галька замолчала, и мне показалось, что на ее лбу закрутился датчик загрузки, как в слабом допотопном компьютере. И судя по всему прогрузить выпаленную мною информацию у нее не хватало мощности процессора. Потому Галка хватала воздух возле ключа зажигания, и никак не могла попасть.

– Галь, поехали. Полиции вокруг полно. А мы сейчас с тобой им глаза мозолим,– нвконец гаркнула я, не сводя глаз с молодого парня в полицейской форме, направляющегося в нашу сторону.

Подвигалкина выпала ищз нирваны и вдарила по газам. Тарантайка сорвалась с места скрипя старыми колесами как будто ей на хвост насыпали соли.

– Пипец,– выдохнула Галка.– Ты знаешь, что за баба была в тубзике.

– Нет,– слишком поспешно сказала я, надеясь. Я и вправду не знала. Но догадки в моей голове вились не хорошие. И подтвердить их мог только один человек.

РУСЛАН

– Эй, вставай давай,– гаркнули над моей головой, и для верности с силой пнули , кровать, которая затряслась в конвульсиях, готовясь отдать душу своим кроватным богам. Я вскочил, как ужаленный, но готовый дать отпор ненормальным бабам. Всю ночь не спал, готовился защищаться, а под утро вырубился. Мне снилась эта овца Чита, клацающая у меня перед носом огромным садовым секатором. И сейчас я был весь липкий от пота, вплоть до прекрасных трусов, котрые кстати уже нуждались в стирке.

– Только попробуй,– прорычал я, понимая, что силы на стороне бандиток. Но, хоть помну их немного, прежде чем они меня уработают.

– Да ладно, успокойся,– миролюбиво заржала похожая на лошадь Галя. – Пошутила наша Чита. Я ж ветеринар, животных люблю. Думаешь стану я такому самцу членовредительства причинять. Да и чего тебе там резать – то?

– Успокойся Галь,– тихий голос второй бандитки заставил меня вздрогнуть. Точнее, то, как она появилась из тьмы, похожая на призрака, одетого в

рванину. – Руслан, вы вообще с семьей то в каких отношениях.

– Тебе то какое на хрен дело? – ощерился я.– Или ты думаешь, что лакшери вашего вонючего подземелья настраивают меня на мажорный лад, и я хочу говорить с вами о своих делах? Да пошла ты. Я хочу нужду справлять в унитаз а не в поганое ведро, хочу нормальные столовые приборы, постельное белье не в стиле «второй городской морг», а нормальное. И трусы. Нормальные боксеры, не врезающиеся в жопу. И тогда, может быть, я удостою вас ответами на вопросы.

– А в рот тебе не плюнуть? – начала заводиться Галка, но быстренько заткнулась, под взглядом паразитки Читы. Которая почему – то смотрела на меня жалостливо, как на пашивого помойечного щенка. Терпеть не могу когда меня жадеют. Тем более, когда меня жалеют преступницы, глядя своим синими глазищами.

– Руслан, мы запросили за вас у вашего отца два миллиона евро,– спокойно сказала Чита, но я понял, что она нервничает.

– И что? У старого хрыча есть эти деньги,– буркнул я, пытаясь понять, к чему она ведет. – Требуйте еще. В конце – концов, кто из нас безжалостный преступник?

– Мы уже два раза звонили. Но Олег Евгеньевич не желает разговаривать. Я говорила с некой Альбиной, – Галка даже не стараясь скрыть злость, проорала мне в самое ухо, заставив поморщиться.– Потому назрел вопрос, как у тебя отношения с отцом? Мало того, наши требования, все были проигнорированы. Тебе это что нибудь говорит?

– Да иди ты в жопу,– хмыкнул я нагло, хотя в душе творилось черте что. Ну не мог мой скяга папуля просто так слить меня. Какие то зачатки отцовских чувств все же должны присутствовать в его лысой башке. Если конечно он вконец не оставил их, пыхтя на моей мачехе, и при этом искренне веря, что она стонет от любви к нему, а не от горячей страсти к распухшему счету выжившего из ума старикана.

– Хорошо, вы получите столовые приборы и постельное белье,– согласно кивнула малышка. Господи, эти ее глазищи я точно никогда не смогу выкинуть из головы, даже если выберусь из этого идиотского подвала. Если выберусь.

– Трусы не дадим,– вредно прошипела Галка. Вот ей я собственноручно сверну шею. С огромным удовольствием.

– Мне нужны гантели, штанга, в идеале беговая дорожка, стул…– начал я, загибая пальцы.

– Ты не наглей давай,– плюнула ядом страшная лошадь. – Может еще попку тебе присыпочкой детской обработать?

Конец ознакомительного фрагмента.

---

Купить: https://tellnovel.com/maksimovskaya_inga/idiotki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити